

Т.П. Савченкова (Ишим), канд. филол. наук

«Конёк-Горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения»

Сказке П.П. Ершова 175 лет, версии о «неавторстве» её создателя – 13, если начинать отсчёт с газетной публикации в 1996 году статьи А.А. Лациса под броским названием «Верните лошадь!»¹. В ней впервые за всю историю пушкинистики и ершововедения было заявлено: автор «Конька-Горбунка» – Пушкин! Через год статью Лациса републиковали издательства «Совпадение», «САМПО» в книге с «мерцающим» названием: на обложке и титульном листе «П. Ершов. "Конёк-Горбунок"», на суперобложке – «"Конёк-Горбунок": гипотезы и факты». В издании воспроизводилась первая редакция «Конька-Горбунка» (1834 год), печатались мемуары Натальи Семпер, дочери художника Е. Соколова – автора не изданных ранее иллюстраций к ершовской сказке, и статья библиографа А. Толстякова «Пушкин и "Конёк-Горбунок" Ершова», в которой были собраны немногочисленные свидетельства знакомства Пушкина с Ершовым и рассмотрена роль поэта и его современников в литературном дебюте «автора "Конька-Горбунка"»². «Гипотеза» Лациса показалась привлекательнее «фактов» А. Толстякова и охочие до сенсаций журналисты мгновенно растиражировали её в столичных и провинциальных газетах.

В 1998 году историк литературы В.Г. Перельмутер сделал ещё один шаг в указанном Лацисом направлении, подготовив к изданию книгу с текстом «Конька-Горбунка» 1834 года, собственной статьёй «В поисках автора» и солидным приложением в виде «политической» сказки начала XX века «Конёк-Скакунок» С.А. Басова-Верхоянцева и очерка эмигранта С. Лесного (С.Парамонова) «Конёк-Горбунок». На обложку книги было вынесено имя Александра Пушкина, правда, с сопровождающим его вопросительным знаком³.

Окончательная «перелицовка» Ершова в Пушкина состоялась в осуществлённом критиком В.А. Козаровецким издании 2009 года. Небольшая книжка с пушкинским автопортретом в виде лошади и названием «Александр Пушкин. "Конёк-Горбунок"» включала статью Козаровецкого «Сказка – ложь, да в ней намёк» с аргументами в пользу лацисовской версии и «пушкинскую редакцию» сказки, сконструированную В. Козаровецким из первого и пятого изданий ершовской сказки⁴.

Козаровецкий, убеждённый сторонник и активный популяризатор идей Лациса на страницах московской прессы («Новые известия», «Русский курьер», «Общая газета», «Парламентская газета», «Новая газета»), был принят также журналами «Литературное обозрение» (1999, № 4) и «Литературная учёба» (2009, № 3). В «Литучёбе» статья Козаровецкого с доводами пушкинского авторства ершовской сказки попала в рубрику «Классик. К 210-летию со Дня рождения А.С. Пушкина»⁵.

Ещё одна гипотеза «инога» автора «Конька-Горбунка» была выдвинута Е.Л. Уколовой и В.С. Уколовым в книге о музыканте XIX века Николае Девиtte «Распятый на арфе»⁶. Уколовы «возвратили» лошадь «истинному владельцу» – арфисту и композитору Девиtte.

Стоит ли опровергать гипотезу «пушкинско-девиtteвского» авторства «Конька-Горбунка» или лучше положиться на здравомыслие читателей, телезрителей, радиослушателей, пользователей Интернета?

Известный пушкинист В.С. Непомнящий высказался по поводу теории Лациса-Козаровецкого кратко и вполне определённо: «Выдумку нельзя опровергнуть»⁷.

Конечно, это так. Но проблема, тем не менее, остаётся. Ведь маскированный под науку вымысел интересует не только журналистов популярных газет и телепрограмм, специализирующихся на раскрытии «тайн и загадок» нашей истории. Этот вымысел представляется не лишённым привлекательности даже редакции журнала «Литературная учёба», которая видит своё предназначение в «развитии читательской компетентности, культурной грамотности и эстетического чувства»⁸.

Примечательно, что фантастическая по своей природе версия о «подставном» авторе «Конька-Горбунка» Петре Ершове и великом «мистификаторе» Александре Пушкине, а также о рассыпанных в тексте сказки таинственных «зарубках» и «шифрах» принимается здесь с симпатией и доверием как новое и оригинальное научное слово.

А ведь в данном случае мы имеем дело с типичным образцом «сенсационного литературоведения», в основе которого – не объективное исследование, а «детективное расследование», в ходе которого «разоблачаются» известные фигуры прошлого и попутно множатся фактические ошибки. «Сенсационное литературоведение» мимикрирует под научное, поэтому главная задача нашей статьи – дать анализ документов, связанных с проблемой «Ершов – Пушкин – пушкинское окружение», показав особенности их «трактовок» Лацисом и его сторонниками.

В начале подробнее рассмотрим предложенную вышеуказанными литературоведами версию.

«Другой» автор сказки

Как уже говорилось, версия о принадлежности Конька-Горбунка Пушкину была впервые выдвинута А. Лацисом, предположившим «беспримерную» мистификацию XIX века, «заговор» Пушкина, Плетнёва, Сенковского, Никитенко, Смирдина с целью проведения через цензуру рукописи новой сказки поэта под названием «Конёк-Горбунок».

Выглядит эта версия так.

Скрытые в сказке политические намеки, как-то: неподвижный кит, олицетворяющий государство николаевской эпохи в состоянии стагнации, корабли в утробе морского чудовища – декабристы в петропавловских казематах и узилищах Сибири, коварный спальник – Бенкендорф и другие

моменты делали её публикацию маловероятной. Псевдонимное или анонимное издание также могло насторожить цензоров. Решено было найти подставное лицо – человека недалёкого, благонамеренного и нуждающегося в деньгах. Плетнёв, профессор университета, избрал на эту роль одного из своих студентов – 19-тилетнего Петра Ершова, не чуждого стихотворству и оказавшегося после смерти отца в тяжёлом материальном положении. Для начала Ершову предложили переписать рукопись набело, а потом и подписаться под ней. Задуманное осуществилось, сказку напечатали, хотя и в «подпорченном» цензурой виде в майской книжке молодого (возраст – 4 месяца), толстого и уже популярного журнала «Библиотека для чтения» (негласный редактор – учёный-ориенталист, писатель, журналист, преподаватель университета О.И. Сенковский, издатель – книготорговец, владелец книжного магазина и библиотеки на Невском проспекте А.Ф. Смирдин), а затем и отдельным изданием в 1834 году.

Все участники этого замысла остались довольны выполненным, особенно Пушкин, который и цензуру обманул, и над личным своим цензором, императором Николаем, втайне посмеялся, и свою страсть к розыгрышам удовлетворил, и денежные запасы, необходимые для карточных игр, «в обход» Натальи Николаевны пополнил.

На Ершова же обрушилась незаслуженная слава, бремя которой трудно было вынести, да и поддерживать эту известность своими «слабыми» стихами он не мог, поэтому и предпочёл покинуть в скором времени Петербург, возможно, даже по предложению той же компании заговорщиков.

Почти все доводы Лациса, правда, с некоторыми дополнениями и вариациями, повторяют в своих статьях В.Г. Перельмутер и В.А. Козаровецкий. Лацисовскую версию «примеряют» к «своему» автору сказки «Конёк-Горбунок» и музыковеды Уколовы: любитель литературных мистификаций, сочинитель сказок о волшебных конях Николай Девитте бескорыстно отдал своё произведение Ершову, правда, без права её последующих публикаций.

В соответствии с гипотезой «иноного» авторства сказки трансформируется биография Ершова и история последующих изданий «Конька-Горбунка». Представим её сводный вариант. В интерпретации Уколовых Ершов – страдательное лицо. Вернувшись в Сибирь, он тяжело переживает своё двусмысленное положение, устав «разочаровывать людей», ждавших от него блеска, юмора, ума и таланта, которыми так богат «Конёк» (*Уколовы, «Это не его конёк»*), что, заметим, не мешает ему продолжать публикацию стихотворений Девитте в петербургских журналах под собственным именем.

В представлениях Перельмутера и Козаровецкого, Ершов не останется без покровительства «мистификаторов» и в сибирские годы жизни, его служебные успехи будут обусловлены приездом в свите цесаревича Александра Николаевича летом 1837 года в Тобольск В.А. Жуковского. Василий Андреевич, также причастный к «делу» 1834 года, представит Ершова, скромного учителя гимназии, наследнику престола. И позднее, «по воцарении Александра II», Ершов совершит «головокружительный карьерный скачок»,

станет директором гимназии и начальником училищ Тобольской губернии (*Перельмутер. С. 36; Козаровецкий. С. 120*).

Московские издания сказки 1840 и 1843 гг. (2-е и 3-е) происходят уже без участия Ершова. По мнению Уколовых, они осуществлены Девитте, проживающим в Москве. Договорённости с Ершовым, а тем более с Пушкиным, здесь нет. Часть тиража этих изданий украшены, как считают Уколовы, собственноручными рисунками Девитте. В 1844 году Девитте покидает Россию и во время гастролей по Европе погибает, – то есть все последующие издания «Конька-Горбунка» к нему уже отношения не имеют.

Иное мнение по этому поводу высказывает В. Козаровецкий, считающий, что ко 2-му и 3-му изданиям также причастен Смирдин, который, скорее всего, приобрёл права по «сходной цене» на все последующие издания сказки у её автора Пушкина ещё в 1834 году. Выпуская сказку в Москве, Смирдин тем самым «уводит» «Конька-Горбунка» из-под прицела столичных цензоров.

Из рассуждений Козаровецкого можно предположить, что Ершов в этих случаях не получает ничего и в дальнейшем пытается быть более самостоятельным в издательских делах, но это оказывается совсем непросто, так как цензура, усмотрев в сказке крамолу, запрещает «Конька». Только после восшествия на престол нового царя, либерально настроенного Александра II, сказку разрешают к печати и в 1856 году появляется 4-е издание, но какое?! Исправленное и дополненное Ершовым, не постеснявшимся, как считают защитники рассматриваемой гипотезы, «испортить» пушкинский текст, «подсыпав» в него «сибиризм» и «нелепых» стилистических оборотов. О том, как Ершову удаётся приобрести право на это издание, умалчивается, как и о том, почему все участники мистификации разрешают «искажать» пушкинское произведение.

Соотнесём же эти доводы с историей издания сказки и реальными фактами ершовской биографии.

История создания и изданий сказки

Об истории появления «Конька-Горбунка» известно немного. Основным источником сведений по этому вопросу является книга университетского приятеля Ершова А.К. Ярославцова, который пишет: «В 1834 году бывший профессором на кафедре русской словесности П.А. Плетнёв прочёл на лекции первую часть написанной студентом Ершовым сказки «Конёк-Горбунок», мы были заинтересованы, обрадованы неожиданным явлением, хотя, казалось, нельзя было не ожидать от загадочного Ершова чего-то необыкновенного»⁹.

Воспоминания Ярославцова могут быть дополнены свидетельством другого современника и близкого друга Ершова по университету, учёного-востоковеда В.В. Григорьева. Характеризуя университетских преподавателей и, в частности, Плетнёва, Григорьев вспоминал: «Он умел возбудить в слушателях охоту пробовать свои силы в разных родах литературных произведений и скоро на кафедре его явились студентские упражнения, о каких не могло быть и

мысли, пока кафедра эта занимаема была его предшественником. Явился между прочими и писанный со скуки на скучных лекциях, неподражаемый по весёлости и непринуждённости "Конёк-Горбунок" Ершова»¹⁰.

Когда, где и при каких обстоятельствах состоялось первое знакомство Ершова с Пушкиным, сведений не дошло, сколько было встреч – тоже неизвестно, не сохранилась и рукопись «Конька-Горбунка» с пушкинскими поправками, о характере которых, в виду почти полной неясности этого вопроса, судить крайне трудно.

Конкретней можно говорить об истории издания сказки. Плетнёв весной 1834 года передает произведение своего студента в печать, первая часть и начало второй части «Конька-Горбунка» публикуются в майской книжке журнала «Библиотека для чтения» (Лацис и Козаровецкий ошибочно датируют апрелем). Можно с точностью до одного дня указать дату её выхода – 5 мая, суббота¹¹. В предисловии О.И. Сенковского, редактора журнала и университетского преподавателя восточных языков (у него учились близкие друзья Ершова – В. Григорьев и П. Савельев, будущие учёные-ориенталисты), сообщалось о «новом, весьма примечательном даровании», «юном сибиряке, который ещё довершает своё образование в здешнем университете» (с. 214), а послесловие содержало уведомление о скором выходе сказки «особою книгой» (с. 234). В этом же номере журнала было впервые напечатано и стихотворение Пушкина «Красавица» (в альбом Г ***), посвященное графине Елене Михайловне Завадовской.

4 июня цензура разрешила выпуск сказки отдельной книгой (Козаровецкий ошибочно считает эту дату временем выхода полного издания), печатали «Конька-Горбунка» в типографии Христиана Гинце и в сентябре книга увидела свет. Отзыв о её выходе появился уже 1 октября 1834 года в «Библиотеке для чтения»: «Читатели наши, верно, не забыли удовольствия, доставленного им первой частью поэмы, напечатанной в «Библиотеке для чтения», – писал анонимный рецензент, в котором узнавался О. Сенковский, – теперь они могут утроить это удовольствие: все три части её вышли из печати особой книжкой. Дело идёт о поощрении юного и прелестного таланта вниманием к первому залогу будущих его успехов: русской публике не нужно говорить более»¹². (Этот отзыв совершенно обойдён вниманием исследователей, – а ведь он точно датирует первое издание сказки!) Журнальные и полные издания вышли с цензурными изъятиями, отмеченными строчками точек.

Вскоре на страницах «Библиотеки для чтения» появятся стихи Ершова. Они соседствуют с произведениями Пушкина: стихотворение «Ночь на Рождество Христово» с отрывком «Петербург» из неопубликованной поэмы «Медный всадник», «Молодой орёл» с повестью «Кирджали», «Прощание с Петербургом» рядом со «Сказкой о золотом петушке», баллада «Сибирский казак» – в подбор со «Сказкой о рыбаке и рыбке». Все эти примеры – наглядные свидетельства значимости творчества молодого поэта, который в глазах читателей популярного журнала оказывался на одной ступени с Пушкиным.

Известно, что Пушкин собирался помочь Ершову осуществить новое издание «Конька-Горбунка». По свидетельству литератора барона Е.Ф. Розена, присутствовавшего на одной из встреч Ершова с Пушкиным, поэт «заявил намерение содействовать Ершову в издании этой сказки с картинками и выпустить её в свет по возможно дешёвой цене в огромном количестве для распространения в России» (*Ярославцов. С. 2-3*).

Через два года по окончании университета Ершов возвращается в Тобольск. Поводом к отъезду из столицы послужили рекомендации врачей сменить климат, проблемы с трудоустройством на службу в Петербурге, мечты об исследовании Сибири, а самое главное – желание утешить мать. После внезапной смерти мужа и сына Николая она сильно тосковала по своим тобольским родственникам. В июле 1836 года Пётр с Евфимией Васильевной приезжают в Тобольск. Ершов получил должность старшего учителя словесности в гимназии. Совмещая преподавание с творчеством, он продолжает публиковать свои произведения на страницах столичных альманахов и журналов.

После смерти матери в 1838 году Ершов хочет вернуться в Петербург и выпустить 2-е издание сказки. Но этим планам помешала перемена в его личной жизни – женитьба на Серафиме Александровне Лещёвой и забота о большой семье: вдова Лещёва имела от первого брака четверых детей.

В 1840 году в Москве было напечатано 2-е издание «Конька-Горбунка». Осуществил его книгопродавец К.И. Шамов (а не петербургский издатель Смирдин, как ошибочно считает Козаровецкий) по первому изданию с многочисленными цензурными вымарками. О договоре с Шамовым Ершов сообщал своему петербургскому другу В.А. Треборну в письме от 28 декабря 1839 года: «Конька продал я, на 2-е издание, московскому купцу Шамову, половину в 12-ю и половину в 64-ю долю листа, на длинных условиях...» (*Ярославцов. С. 69*).

В 1842 году сказку предполагает выпустить в свет Смирдин, сопроводив это издание рисунками. В письме к Треборну от 30 марта 1842 года Ершов рассказывал об условиях, на которых он согласился «продать сказку свою «Конёк-Горбунок» на одно издание книгопродавцу Смирдину». По неизвестной причине это издание не состоялось.

В 1843 году книгопродавец Шамов выпускает в Москве в типографии Н. Степанова 3-е издание «Конька-Горбунка», вновь повторяющее 1-е издание и осуществленное без договора с автором сказки. Возмущённый Ершов в письме от 13 ноября 1843 года пишет: «Но что меня бесит, то это подлость людей, называющихся книгопродавцами. Можешь себе представить, что нынешний издатель Конька, некто Шамов, напечатал **мою** (*выделено мною. – Т.С.*) сказку прежде окончания с ним условий и не получив моего согласия. И до сих ещё пор я не имею от него ни денег, ни назначенных экземпляров. С 1 декабря, если не получу от него удовлетворения, заведу судебное дело: за правого Бог!» (*Ярославцов. С. 101-102*).

И это издание вышло в двух форматах. Малоформатное появилось с шестнадцатью чёрно-белыми рисунками неизвестного художника. Экземпляр

иллюстрированного издания хранится в Музее книги Российской государственной библиотеки (Москва).

Издательская деятельность в значительном отдалении от Москвы и Петербурга была сопряжена со множеством трудностей, но Ершов не отступает, видя в ней и одно из условий семейного благосостояния. В 1847 году Ершов откликается на предложение Смирдина издать собрание его сочинений: «Конька-Горбунка», пьесу «Суворов и станционный смотритель», поэму «Сузге», а также некоторые лирические образцы. Смирдин намеревался приобрести эти произведения для серии «Полное собрание сочинений русских авторов». Поэт предлагает Смирдину и отдельное издание «Конька-Горбунка». Оба издания не состоялись, возможно, из-за финансовых трудностей Смирдина, находившегося на грани разорения.

В 1851 году книгопродавец П.И. Крашенинников, которому переходит издательское предприятие Смирдина, предложил Ершову выпустить сказку по исправленному рукописному тексту и подал прошение в цензурный комитет, но получил отказ. История борьбы за издание сказки без цензурных изъятий представлена в статье известного исследователя Ершова Дины Михайловны Климовой, базирующейся на материалах служебной переписки чиновников С.-Петербургского цензурного комитета 1851-1855 гг.¹³.

После длительных перипетий 4-е издание увидит свет в 1856 году и Ершов напишет друзьям: «Конек мой (*выделено мною – Т.С.*) снова поскакал по всему русскому царству, счастливый ему путь» (*Ярославцов. С. 155*). Издание сопровождалось семью иллюстрациями художника Р.К. Жуковского и гравёра Л.А. Серякова.

При жизни Ершова выйдут ещё три издания: 1861 – 5-е; 1865 – 6-е; 1868 – 7-е. В 5-м издании стилистическая доработка сказки завершится строкой: «Против неба – на земле». Напомним, что во всех предыдущих был другой вариант: «Не на небе, на земле».

История осуществлённых и неосуществлённых опубликований «Конька-Горбунка» показывает, что Ершов, как автор этого произведения, обладал всеми юридическими правами на его издание, а также реализацию тиража, и мог диктовать собственные условия книгопродавцам. В этом отношении интересно обратиться к ещё не введённым в научный оборот документам. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), в фонде известного книгопродавца и книгоиздателя пушкинской эпохи И.Т. Лисёнкова хранятся два письма Ершова к этому лицу и расписка о получении им от Лисёнкова денег. Дата расписки – 25 февраля 1836 года (заметим, ещё жив Пушкин, – мог ли Ершов распоряжаться «пушкинской» сказкой при жизни Александра Сергеевича?!). В ней указано, что Ершов получил от И.Т. Лисёнкова 600 рублей за 600 экземпляров «Конька-Горбунка», то есть можно сказать, что распродажа тиража 1-го издания проходила не только в книжной лавке А.Ф. Смирдина на Невском проспекте, но и в собственном магазине Лисёнкова, расположенном в доме Пажеского корпуса на Садовой улице. В виде примечательного штриха можно заметить, что Лисёнков напечатал в типографии И. Воробьёва перевод на украинский язык

пушкинской «Полтавы», осуществлённый Е.П. Гребёнкой, другом Ершова по петербургским годам. И на одном листе с ершовской распиской размещается разрешение И.Т. Лисёнкову от Е.П. Гребёнки напечатать переведённую им поэму в количестве 600 экземпляров¹⁴.

В планы Ершова также входило опубликование сказки, её второго издания, у Лисёнкова. Приведём письмо Ершова из Тобольска от 28 июня 1838 года:

Милостивый государь мой

Я получил письмо Ваше от 9-го июля и соглашаюсь на 2-е издание моей сказки. Но передавать Вам на неё право навсегда я по некоторым причинам не могу. Если же Вы согласитесь довольствоваться одним заводом (1200 экземплярами), то можете приступить к печатанию. Условия мои следующие:

За один завод перепечатания в том совершенно виде, как он находится в прежнем издании – 1000 р. ассигн[ациями] и 25 экземпляров.

Напечатать на такой же бумаге, как и в 1-м издании, в какой угодно типографии, но только красивым шрифтом; формат книги, какой хотите.

Для избежания излишней переписки предупреждаю Вас наперёд, что я ни в коем случае не изменю своих условий. Притом предлагаю, чтобы деньги высланы были ко мне вполне ещё до напечатания.

Имею честь быть всегда готовый

к услугам П. Ершов

Адрес мой: Его Благород[ию] Петру Павловичу Ершову, старшему учителю гимназии в Тобольске.

Во втором письме от 6 сентября того же года Ершов уточняет условия издания «Конька-Горбунка»:

Милостивый государь мой Иван Тимофеевич

В письме вашем от 19 августа Вы извещаете меня о согласии Вашем вновь напечатать мою сказку, но на условии вовсе для меня невыгодном. 1000 руб. за 2400 экземпляров! Это обойдётся для меня только по 40 коп. экземпляр, между тем как Вы продавая по самой умеренной цене, примерно по 2 1/2 руб., можете по самому верному расчёту получить 6000 руб. А вероятно Вы назначите цену экземпляру по-прежнему в 3 рубля, а это составит большую разницу в выгодах, получаемых Вами и мною. Но если угодно печатать одно издание за 1000 руб. или два за 2000, то остаётся Вам только уведомить меня. Притом в нынешнем или в будущем году я намерен снова переехать в Петербург и напечатать Конька на свои деньги. И потому предоставляю Вам на волю – принять или не принять мои условия, а я, с моей стороны, не переменю в них ни рубля.

На прочее – как-то: на запрещение вновь печатать Конька до совершенной распродажи издания Вашего и на другие условия, я согласен, лишь бы только эта продолжалась не более трёх лет, по истечении которых имею право (если понадобится) издать вновь.

Уведомьте также: в какой типографии Вы хотите печатать, в каком формате. Но ещё прибавлю, что условия мои неприменны и в случае несогласия Вашего переписка ни к чему не послужит не может.

Остаюсь в ожидании решительного Вашего ответа.

Всегда готовый к услугам

П. Ершов.¹⁵

Не исключены и другие архивные находки подобного плана – отчётливые свидетельства **полноценного авторства Ершова**. Завершая тему издательских отношений Ершова и его современников, рассмотрим ещё одну ошибку В. Козаровецкого, считающего, что Ершов требовал у редакции журнала «Библиотеки для чтения» (через 7 лет!) оплаты за журнальную публикацию первой части сказки, но ему в этом было «совершенно справедливо» отказано Сенковским, так как редактор журнала находился «в курсе денежных договорённостей между Ершовым и Пушкиным и был посвящён в тайну этой пушкинской мистификации» (*Козаровецкий. С. 125*); Ершову заплатил за сказку 500 рублей ассигнациями А.Ф. Смирдин и больше ему никаких денег не полагалось.

На самом деле Ершов рассчитывал получить гонорар за журнальные публикации своей лирики, который полагался по договору – 1 рубль за стихотворную строку. Именно этих обещаний не выполнял Сенковский, не выплачивая причитающихся автору 600 рублей. С подобным поведением Осипа Ивановича Ершов сталкивался ранее. Сенковский «удерживал» гонорар его петербургского друга композитора Юрия Арнольда, фантастическую повесть которого «Приключения музыкального учителя» Ершов рекомендовал опубликовать в «Библиотеке для чтения». Повесть вышла, Ершов добился оплаты этого труда, и недовольный редактор вручил Арнольду полагавшиеся ему 100 рублей¹⁶.

Плетнёв и Ершов

Представители «сенсационного литературоведения» убеждены: без Петра Александровича Плетнёва мистификация никогда бы не состоялась. И эта особая роль Плетнёва в издательской судьбе «Конька-Горбунка» просматривается, по их мнению, между строк ершовского письма 1851 года, обращённого к вышеозначенному лицу: «книгопродавец <...> сделал мне предложение об издании Конька. <...> Я писал к нему, чтобы он доставил Вам рукопись и всякое Ваше замечание исполнил бы беспрекословно».

Цитируя этот эпистолярный фрагмент в статье «Верните лошадь!», Лацис делает следующее наблюдение: «стало быть, Ершов признавал, что суждение Плетнёва о тексте «Конька» важнее, чем собственное мнение Ершова» (*Лацис. С. 223*).

Ещё «определённее» высказывается по этому поводу Козаровецкий: «откуда такое безоговорочное подчинение, такое слепое доверие к вкусу

Плетнёва? Ведь Плетнёв – не Пушкин. При всём уважении Ершова к другу Пушкина такое необъяснимо, а вот если имела место мистификация, в которой принимал участие и Плетнёв, если Ершов действительно через него попал к Пушкину, а сам к написанию сказки не имеет отношения, то в этом случае его поведение вполне понятно. <...> **Такое письмо Ершова Плетнёву может означать только, что оба они знали: «Конёк-Горбунок» – пушкинская сказка»** (Козаровецкий. С. 127). Подтверждает пушкинское авторство, по мнению Козаровецкого, и ещё один момент: Плетнёв и другие участники мистификации ни разу «не проговорились» о принадлежности «Конька-Горбунка» Ершову: «в самом деле, кому из них могло прийти в голову сказать или написать: "сказка Ершова"»?»; и сам Ершов о своём авторстве якобы «письменно ни разу не обмолвился» и «не употреблял применительно к сказке притяжательных местоимений «моя», «мой» (Там же. С. 125).

Все эти умозаключения выстраиваются с опорой на небольшой **фрагмент** письма, приведённого в издании произведений П.П. Ершова 1976 года, но, конечно же, в другом смысловом контексте¹⁷.

Заметим, что оригинал этого письма сохранился в рукописном отделе Пушкинского Дома и даже был опубликован целиком как раз в пору рождения лацисовской «версии». Ершов сообщает в нём Плетнёву о работе над прозой и предложении из Петербурга вновь издать его сказку: «книгопродавец Крашенинников снова сделал мне предложение об издании Конька по исправленной рукописи, которая теперь цензируется. Я писал к нему, чтобы он доставил к Вам рукопись и всякое Ваше замечание исполнил бы беспрекословно. Вы первый ввели Конька в свет; надеюсь, что и теперь не откажете ему в Вашем содействии. Крашенинникову же я писал и о Сибирских вечерах; может быть, он и решится быть их издателем (если только Вы признаете их достойными увидеть свет). Позвольте надеяться, Пётр Александрович, что вы, в случае издания Конька или Сибирских вечеров, вашим влиянием на редакторов известных журналов защитите **мои труды** от критик, подобных помещённой в Отечественных записках» (выделено мною – Т.С.)¹⁸.

Да и молчание Петра Александровича по поводу «истинного» и «подставного» авторов сказки уже не представляется столь безусловным, когда знаешь о существовании плетнёвской «Исторической записки» 1844 года, в которой отмечен следующий момент: «...обновление кафедры русской литературы в университете не осталось бесплодной. Скоро на поприще отечественной словесности с успехом явились молодые писатели, в это время здесь образовавшиеся. Из них замечательны: **Ершов, так счастливо показавший опыт народной поэзии сказкою «Конек-Горбунок» и другими стихотворениями** (выделено мною – Т.С.), Булгаков, писавший для театра и слишком рано похищенный смертью; Менцов, которого стихотворения и особенно основательные разборы известны в современной литературе <...>, Иваницкий, равным образом замечательный как преподаватель русской литературы и как участник в ней <...>, Майков, столь блестящий талант в

антологической поэзии; Тургенев, которого небольшая поэма «Параша» и прочие мелкие пьесы показали дарование несомненное, зрелое...»¹⁹.

Как видим, Ершовым открывается этот ряд юных литературных дарований, формирование которых состоялось на университетской скамье не без участия Плетнёва, называвшего себя «энтузиастом истинных талантов». В представлении Плетнёва его бывший студент – не только автор прекрасной сказки, но и замечательный лирик. Стихотворения Ершова «Кто он?», «Зелёный цвет», «Кольцо с бирюзой» и поэма «Сузге» будут напечатаны Плетнёвым на страницах «Современника» 1837-1838 гг. рядом с неопубликованными произведениями Пушкина: стихотворной драмой «Русалка», фрагментом неоконченного романа «Арап Петра Великого», отрывком поэмы «Тазит», строфами «Евгения Онегина».

В письме от 20 июня 1846 года, отправленном в Тобольск после некоторого перерыва в эпистолярном общении, Плетнёв напишет Ершову: «Располагайте мною и журналом моим как собственностью, не для выгод тружусь я, а для мечтательной, может быть, надежды хоть одно чистое сердце согреть и удержать на дороге к чести. И так не только вам, я готов присылать «Современник» даром всякому, кому только вы назначите. Ваши стихотворения прелестны. Вы сохранили всё девство своей первоначальной поэзии. Напечатаю их, как вы желали – но буду украшать ими журнал понемногу, чтобы долее доставлять читателям удовольствие» (*Ярославцов. С. 118*).

И вскоре в «Современнике» появятся стихотворения «Ответ», «Оправдание», «Храм сердца», «Воспоминание», «Три взгляда», «А та femme», «Призыв».

Плетнёв интересовался и прозой Ершова, повестями «Сибирские вечера» (в печати – «Осенние вечера»), уже упоминавшиеся ершовские письма 1851 года свидетельствуют о существовавшем между ними обмене мнениями по этому поводу.

Имя Плетнёва неоднократно появляется в письмах Ершова петербургским родственникам Протопоповым. Владимир Александрович Протопопов – брат первой жены Ершова Серафимы Александровны, чиновник Департамента разных податей и сборов, был знаком с Плетнёвым и встречался с ним, как и ближайшие друзья Ершова по университету – В. Треборн и А. Ярославцов. В письме к Треборну от 10 января 1841 года Ершов отправит для «Современника» два пушкинских неопубликованных стихотворения – «Мой первый друг, мой друг бесценный» и «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок», полученные им от находившегося в сибирской ссылке И.И. Пущина. 25 сентября 1841 года тому же адресату будут посланы ещё два стихотворения Пушкина, судьба которых до сих пор остаётся неизвестной.

Благодарные чувства ученика к своему учителю Ершов будет сохранять в отношении Плетнёва всю свою жизнь.

«Пушкинские автографы»

По мнению Лациса-Перельмутера-Козаровецкого, пушкинское авторство «Конька-Горбунка» подтверждается автографами поэта, пусть и не дошедшими до наших дней.

А были ли такие автографы? Сразу заметим: этот очень непростой вопрос давно является предметом далёкой от завершения дискуссии пушкинистов и ершововедов. Для начала представим его краткую историю. В 1855 году выходит книга первого биографа Пушкина П.В. Анненкова «Материалы для биографии Пушкина», в которой автор передаёт устное свидетельство А.Ф. Смирдина о том, что «в апогее своей славы Пушкин с живым одобрением встретил известную Русскую сказку Г-на Ершова «Конёк-Горбунок», теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки <...> принадлежат Пушкину, удостоившему её тщательного пересмотра»²⁰. Реплика «теперь забытую» не случайна: после третьего издания 1843 года «Конёк-Горбунок» из-за цензурных препон более не выходил до 1856 года. Отметим также, что первые четыре стиха сказки, которые Анненков не цитирует, печатались во всех трёх изданиях в следующем варианте:

*«За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе, на земле
Жил старик в одном селе».*

В 1913 году пушкинист Н.О. Лернер предложил включать начальные строки сказки в пушкинские собрания сочинений, что и было осуществлено в 1915 году, правда, с иным вариантом третьей строки:

«Против неба – на земле».

С этого момента и появляются в собраниях сочинений Пушкина четыре строки из «Конька-Горбунка», но в 1936 году точка зрения Лернера встретила возражение известного литературоведа и фольклориста М.К. Азадовского. Марк Константинович писал: «Из сообщения Смирдина в передаче П.В. Анненкова в сущности не ясно, что было в действительности сделано Пушкиным: написал ли он вообще заново все четыре стиха или только дал новую редакцию, сохранив в основном ершовские слова и отдельные фразы. Ведь у Ершова было же какое-то начало, когда он принёс или послал свою сказку Пушкину»²¹. Азадовский указал и на ошибку Лернера, публиковавшего начальные стихи сказки в редакции, которой не могло быть в пушкинское время: третья строка «Против неба – на земле», по точному замечанию Азадовского, появилась только в пятом издании сказки в 1861 году, когда Ершов завершил авторскую доработку текста. Статья Азадовского убедила пушкинистов; первые строки сказки в дальнейшем в пушкинские собрания сочинений не включались.

В начале 1980-х гг. библиографы обратили внимание на документ, имевший отношение к бумагам Смирдина. Это «Список с "Описи бумаг А.Ф. Смирдина"», сохранившийся в составе архива коллекционера

П.К. Симони в рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). На обложке этой рукописной (писарской) копии карандашная помета: «Собственность Смирдина» и крайние даты: «1830 – 1850 гг.». Количество листов: 42. Копия описи сделана после смерти издателя – "сверена с подлинным 29 октября 1857"²². Перед нами алфавитный перечень автографов и других документов, имеющих отношение к известным литераторам. С Пушкиным связаны следующие записи: «Условие на Руслан (*так!* – Т.С.) и Людмилу и Кавказ. Пленника», «Образец предполагаемого графом Строгановым издания соч. Пушкина», «Билет на получение его сочинений», «Оглавление 11 т. соч. Пушкина с означ. года». И среди них: «Заглавие и посвящение Конька-Горбунка»²³.

Мы видим предельно лаконичную и загадочную запись, ведь всем известно, что «Конёк-Горбунок» печатался **без посвящения**, то есть надписи, предшествующей самому произведению и содержащей указание, в честь кого оно написано или кому преподносится. И можно ли выстраивать на основе этой записи выводы об авторстве Пушкина, если даже поэт и делал какие-то наброски, связанные со сказкой «Конёк-Горбунок»?

Для представителей «сенсационного литературоведения» сомнений нет. Более того, они ссылаются **на несуществующий документ, документ-фантом, документ-гибрид**, «скрещивая» устное сообщение Смирдина в передаче Анненкова с вышеуказанной архивной записью и дополняя его ершовской строчкой 1861 года. Так, В.Г. Перельмутер, констатируя факт отсутствия допечатных (рукописных) строк «Конька-Горбунка», пишет: «И ни единого упоминания о них. Пушкинский автограф из коллекции Смирдина – заглавие сказки и первые четыре стиха с гениальным: «Против неба – на земле / Жил старик в одном селе», – исключённой из пушкинских собраний сочинений лишь в 1937 году, – единственный рукописный след этой тёмной лошадки. Рукою Пушкина» (*Перельмутер. С. 34*). Вадиму Гершановичу вторит Владимир Абович: «Как объяснить тот факт, что в архивном фонде Смирдина имеется им самим составленный перечень бумаг, в котором есть запись: «Пушкин... Заглавие и посвящение "Конька-Горбунка"»? То есть Пушкин оставил автограф, причём со строкой, броско отличающейся от текста издания, вышедшего при его жизни? («...За широкими морями, / Против неба – на земле»)» (*Козаровецкий. С. 128-129*). Более того, нам предлагают **забыть об исконном значении слов «заглавие» и «посвящение» и считать их первыми четырьмя строками «Конька-Горбунка»** (*Козаровецкий. С. 142-143*), а также воспринимать запись в бумагах Смирдина как **пушкинский автограф**, пусть и не сохранившийся, как документальное свидетельство пушкинского авторства сказки (*Там же. Стр. 143*).

Далее мы ещё не раз убедимся: подмена понятий – излюбленный приём «сенсационных литературоведов». И опись Смирдина не даёт оснований для вывода об авторстве Пушкина. По справедливому замечанию Д.М. Климовой, «упомянутые книготорговые документы», включая таинственные «заглавие» и «посвящение», **имели лишь косвенное отношение к Пушкину и вряд ли были написаны его рукой**²⁴.

Лацис-Перельмутер-Козаровецкий утверждают, что «пушкинскими автографами», имеющими отношение к «Коньку-Горбунку», располагал и Ершов, но эти «улики» он ликвидировал: и «полную писарскую копию» с «пушкинскими поправками», и «подготовленный к набору оригинал», и свой студенческий дневник (*Лацис. С. 198*). «Хранившиеся у Ершова пушкинские «замечания» к «Коньку-Горбунку» были им уничтожены, – по замечательному совпадению, как раз в ту пору, когда за бумагами «закатившегося солнца русской поэзии» шла форменная, азартная охота по всей России» (*Перельмутер. С. 34*). «Чем объяснить, что Ершов в приступе «страшной хандры» уничтожил беловик сказки с правкой Пушкина и свой студенческий дневник? Это по меньшей мере подозрительно, а учитывая, что уже вскоре после смерти Пушкина каждый его автограф стал представлять и материальную ценность, поверить объяснению Ершова просто невозможно. Уничтожение дневника и рукописи, в которых могла иметь место информация о принадлежности Пушкину «Конька-Горбунка», можно объяснить только тем, что Ершов, приступив к переизданиям сказки и внося в нее изменения и дополнения, решил не оставлять никаких следов пушкинского авторства» (*Козаровецкий. С. 125-126*).

Обвинения «разоблачителей» Ершова основываются, как ни странно, на воспоминаниях самого Ершова (!), записанных его другом тобольским художником М.С. Знаменским. В своём дневнике за 1863 год Михаил Степанович пишет о частых визитах к Ершову и о том, как Пётр Павлович «по обыкновению рылся в своих, действительно, хороших и умно прожитых днях». Рассказал он Знаменскому и о своём тяжелом состоянии, которое пережил по возвращении в Тобольск: «Да, я, когда приехал сюда, в страшной хандре был и много сжёл. Теперь жалко: напомнило бы, по крайней мере, молодость... Были у меня и заметки, писанные Пушкиным и другими»²⁵.

Простодушный и печальный рассказ Ершова о сожжённых заметках, связанных с Пушкиным и другими литераторами-современниками, подаётся представителями «сенсационного литературоведения» как признание изворотливого человека в сокрытии следов давних махинаций. При этом нас вводят в заблуждение и относительно времени уничтожения записей Пушкина, и характера самих записей. Из вышеприведенных воспоминаний видно, что это случилось вскоре после приезда в Сибирь, то есть в 1836 году, ещё при жизни Александра Сергеевича. Обращение к дневнику Знаменского не даёт оснований и для выводов об уничтожении Ершовым пушкинских заметок, относящихся именно к «Коньку-Горбунку».

То же самое можно сказать и в отношении дневника Ершова. Свой дневник он сжигает не в период переиздания сказки, то есть в 1856 году, как считает Козаровецкий, а ещё в студенческие годы, находясь в Петербурге. Об этом отчетливо говорится в книге А.К. Ярославцова: «При новом свидании, через несколько дней, заговорили мы как-то о дневниках. "Я, – сказал Ершов, – долго вёл дневник; да как пересмотрел его, так и сам испугался и сжёл его: всё только одно идеальное. Однако ж теперь стану записывать; с нового года сделаю план и примусь"» (*Ярославцов. С. 27*).

Вышеприведённые примеры показывают ещё один сомнительный метод исследования из арсенала «сенсационных литературоведов»: **изъятый из контекста** документ легче поддается субъективному истолкованию. Как, впрочем, и документ **видоизменённый**. Вот пример этой методики.

Обратимся к пушкинскому рисунку с лошадьми и его интерпретации Лацисом-Перельмутером-Козаровецким, которые видят в графических набросках поэта ещё одно свидетельство подлинного авторства «Конька-Горбунка».

Предлагая читателям своей статьи «Верните лошадь!» «поучаствовать в полёте фантазии по поводу рисунка», Лацис незамедлительно даёт и «неожиданную разгадку»: «Справа – лошадь объезженная, в сбруе. Слева – ещё три конские морды. Верхняя и нижняя – лошади как лошади. А третья, та, которая между ними, на наш взгляд – вылитый конёк-горбунок

И если это – Пушкин, то в виде конька-горбунка!

Как понимать сей графический каламбур? Здесь запечатлён замысел будущей сказки? Или иллюстрация, автокомментарий? Или, наконец, тайнопись, свидетельство о подлинном авторстве? "Но конька не отдавай"» (Лацис. С. 27).

Для убедительности этой мысли Лацис включает в свою статью иллюстрацию с четырьмя лошадиными головами и литературную параллель к ней: монолог «кобылицы молодой», обещавшей, как известно, родить Ивану по трехдневном исходе двух коней и конька «ростом только в три вершка». Четыре коня – и в сказке, и на рисунке, – как говорится, налицо!

Предположение Лациса о неслучайном совпадении сюжета сказки с рисунком, включающим автопортрет Пушкина, представляется убедительным Перельмутеру: «...то ли фабула сказки изображена, то ли иллюстрация к ней» (Перельмутер. С. 37) и Козаровецкому: «В этом рисунке и автопортрет, и тайнопись. Это еще одна пушкинская "зарубка"» (Козаровецкий. С. 128).

Что же следует сказать по этому поводу? Рисунок Пушкина действительно интересен. Подобно другим рисункам поэта, расположенным вокруг стихотворных текстов, он выполнен на черновике стихотворения «Андрей Шень», датированного 1825 годом, – отметим **значительный временной промежуток, отделяющий этот рисунок от сказки 1834 года!**

Атрибуция автопортрета на этом рисунке Пушкина по праву принадлежит литературоведу Л.Ф. Керцелли. В начале 1980-х гг. она писала в своей книге о пушкинских рисунках: «...поэт рисует себя в конском облике, но со своими кудрявыми «арапскими» бакенбардами, с носом лошади и маленьким глазом, самым поразительным непостижимым образом глядящим на нас его собственным, Александра Сергеевича Пушкина, взглядом»²⁶ и уточняла свои убедительные наблюдения в примечании: «В нём можно увидеть также некоторое – весьма отдаленное, впрочем, – сходство с обезьяной»²⁷.

Глава книги Керцелли с названием «Удивительный автопортрет» включает и репродукцию пушкинского рисунка, значительно отличающуюся от приведённого Лацисом и Козаровецким. Оказывается, **на подлинном рисунке можно видеть ещё одну лошадь и наброски двух других голов; то есть**

лошадей никак не четыре! И «вылитый конёк-горбунок» в рисунке Пушкина не имеет характерных примет сказочной лошадки, чей облик недвусмысленно обрисован Ершовым: «на спине с двумя горбами, да с аршинными ушами».

«Полка с мистификациями»

Осознавая подставную роль Ершова, Пушкин не мог не оставить и в своей библиотеке «тайного знака» – полки с «маскированными» изданиями, среди которых находился «Конёк-Горбунок». Это наблюдение Лациса принято как «решающий аргумент» его последователем (*Козаровецкий. С. 26*) и даже Уколовыми, приписывающими авторство сказки Николаю Девиitte: «Что касается Пушкина, то он не считал Ершова автором «Конька», как не считал им и самого себя. Поэтому в своей библиотеке он и поставил книгу на полку анонимных сочинений»²⁸.

Мысль о полке с изданиями-мистификациями возникает на основе документа, который, как и в других случаях, свободно истолковывается Лацисом. Это «Опись библиотеки А.С. Пушкина». Опись была составлена по распоряжению Санкт-Петербургской дворянской опеки, вскоре после гибели поэта. Начало составления – 11 февраля 1837 года.

В настоящее время черновой и белой экземпляры описи хранятся в Пушкинском Доме. Опись входит в документ с названием «Архив Опеки над детьми и имуществом А.С. Пушкина. Дело Опеки № 2 по недвижимому и движимому имуществу Александра Сергеевича Пушкина»²⁹. Этот документ по случаю приобрёл в 1921 году известный пушкинист П.Е. Щёголев, а после смерти ученого в 1931 году он был передан Ю.Г. Оксманом в Пушкинский Дом. Исследованием описи пушкинской библиотеки занимался историк литературы, архивист Лев Борисович Модзалевский – достойный продолжатель дела своего отца Бориса Львовича Модзалевского, составившего в 1910 году библиографическое описание сохранившихся книг пушкинской библиотеки.

Л.Б. Модзалевский писал: «...ценность обнаруженной описи библиотеки Пушкина не подлежит сомнению. 187 книг, которыми владел Пушкин, сверх нам ранее известных, говорят сами за себя. При изучении творчества поэта ни один исследователь не сможет теперь пройти мимо них»³⁰. В числе не сохранившихся в библиотеке Пушкина книг находилось и 1-е издание «Конька-Горбунка». В беловике описи указано: «741. «Конёк-Горбунок» Ершова»³¹.

При всей своей значимости опись имела существенные недостатки, также выявленные Л.Б. Модзалевским. Отмечая небрежную работу над этим документом – «без соблюдения самых элементарных библиографических правил», Л.Б. Модзалевский подчёркивает, что его составители «не следили за порядком внесения книг в опись, книги списывали каждую в отдельности и не согласовывали между собой своих записей» (*Л.Б. Модзалевский. С. 6*). В своём стремлении ускорить работу исполнители часто упускали из виду или искажали имя автора, точное заглавие произведения, место издания. Во многих случаях в опись вносились одни и те же книги по два раза, а некоторая часть книг в этот

документ не попала совсем. Опись, по мнению Льва Борисовича, **не даёт возможности проследить характер расположения книг в библиотеке** (выделено мною – Т.С.), из неё «нельзя составить никакого впечатления о том, в каком порядке или системе Пушкин хранил на полках свои книги» (Там же. С. б), «несмотря на то, что в одном месте черновика описи имеется отметка: "№ 2 по стене с лево"» (Там же. С. 55).

А.А. Лацис не соглашается с этими очевидными доводами учёного, усмотрев в них тайный умысел: «когда Модзалевский-сын, Модзалевский-младший преувеличивал недостатки опекунской описи, он тем самым повышал значение другого описания. Как известно, в 1910 году увидел свет каталог библиотеки Пушкина, составленный его отцом, Модзалевским-старшим» (Лацис. С. 211), при этом никаких конкретных доказательств наличия владельческой системы расстановки книг со ссылкой на опись Александр Александрович не делает, ограничиваясь общими рассуждениями: «в частности был, **не мог не быть** (выделено мною – Т.С.), отдел справочных изданий. В нём находились атласы, карты и различные словари: греко-русский, франко-латинский, немецко-чешский, многие другие. Особливо хранились русские журналы. Имелся также отдел церковных книг» (Там же. С. 211).

После этого Лацис предлагает «вглядеться» в отрезок описи с номерами 739-749, в окружении которых находится ершовская сказка (№ 741) и обращает внимание на анонимный и псевдонимный характер **всех (!)** произведений этой «десятки», делая вывод: «Он («Конёк-Горбунок» – Т.С.) находится на своём месте, в числе литературных мистификаций» (Там же. С. 216).

Как видим, **аноним, псевдоним и мистификация** для Лациса – понятия одного ряда. Но так ли это на самом деле? Обратимся к «Литературному энциклопедическому словарю». Мистификация – «литературные произведения, авторство которых нарочито приписано их сочинителями другому лицу (реальному или вымышленному или народному творчеству)», мистификация «предполагает создание стилистической манеры и творческого образа мнимого автора (в отличие от литературного анонима и псевдонима)»³². Аноним – «автор, опубликовавший свое произведение без указания имени или псевдонима; также само произведение, не подписанное именем автора»³³. Псевдоним – «подпись, которой автор заменяет своё настоящее имя. Причины принятия псевдонима могут быть самые разные: желание сохранить инкогнито, наличие однофамильцев, неблагозвучие настоящей фамилии, цензурные преследования. Псевдоним приближается к понятию мистификации, когда писатель, **желая представить себя иным**, использует приём литературной маски»³⁴.

Свойственны ли качества мистификации произведениям, которые, по мысли Лациса, оказались на «полке маскированных изданий» в соседстве с «Коньком-Горбунком»? Для начала приведём фрагмент описи библиотеки, дополнив «десятку» Лациса для большей полноты картины ещё тремя ближайшими «Коньку-Горбунку» номерами (с «левой стороны полки») – 738, 737, 736. Раскроем также номера 742, 745, 747, почему-то оставленные Лацисом без каких-либо комментариев, и дадим полное описание всех этих книг по

каталогу Б.Л. Модзалевского и алфавитному списку несохранившихся в библиотеке Пушкина книг, составленному Л.Б. Модзалевским.

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ А.С. ПУШКИНА

Л. 82 112 об.

736. Избранный театр Шишкова

427. (Б.Л. Модзалевский)

Шишков А.А. Избранный немецкий театр. Перевод Александра Шишкова 2. Москва. В Университетской Типографии. 1831.

737. Послание Олестышевой [?] соч. Хвостова

412. (Б.Л. Модзалевский)

Хвостов, Граф Д.И.

Послание Марье Петровне Охлестышевой. Отправлено в Крестцы с Кубры 1825 г. Августа, 20-го дня. Сочинение Графа Хвостова. Санктпетербург. В Типографии департамента внешней торговли. 1832.

738. Шекспиров дух Кюхельбекера

206. (Б.Л. Модзалевский)

Кюхельбекер В.К.

Шекспировы духи. Драматическая шутка в двух действиях. Сочинения В. Кюхельбекера. Санктпетербург, в Типографии Н. Греча. 1825.

739. Описание моста на Висле

21. (Л.Б. Модзалевский)

[Даль В.И.]

Описание моста, наведённого на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера. Санктпетербург, в Типографии Н. Греча, 1833.

740. Сцены из петербургской жизни

102. (Л.Б. Модзалевский)

Строев В.М.

Сцены из Петербургской жизни. Соч. В.В.В. Часть первая. Санктпетербург, в типографии Н. Греча. 1835.

741. Конёк-Горбунок Ершова

27. (Л.Б. Модзалевский)

Ершов П.П.

Конёк-Горбунок. Русская сказка. Сочинение П. Ершова. В III частях. Санктпетербург. В типографии Х. Гинце. 1834.

742. Исповедь англичанина Матюрина

232. (Б.Л. Модзалевский)

Матюрен

Исповедь Англичанина, употреблявшего опиум. Соч. Матюрина, Автора Мельмота. Санктпетербург. В Типографии Н. Греча. 1834.

743. Краткое описание для Петра Великого

298. (Б.Л. Модзалевский)

[Полежаев Тимофей] (ошибочно установленное имя, в действительности – П.Н. Крекшин)

Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... С.П.Б., 1788.

Л. 83 113

744. Analyse du des par Philidor...

1259. (Б.Л. Модзалевский)

- Philidor, Andre Danican
Analyse du jeu des échecs – Par A.D. Philidor. Paris. 1820
745. Книга Наума о великом Божием мире.
224. (Б.Л. Модзалевский)
Максимович М.А.
Книга о Божием Мире, изданная Михаилом Максимовичем. Цена 120 копеек.
Москва, в Университетской типографии. 1833.
746. Андрей Безыменный. Повесть.
50. (Л.Б. Модзалевский)
[Корнилович А.О.]
Андрей Безыменный. Старинная повесть. С-Петербург. В типографии III
отделения Собственной Е. И.В. Канцелярии. 1832.
747. Топографические замечания на места путешествия Ее Величества.
1781 год.
387. (Б.Л. Модзалевский)
Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее
Императорского Величества в Белорусские наместничества. 1780. При С.П.Б.
Императорской Академии Наук.
748. Собрание стихотворений
65. (Л.Б. Модзалевский)
[Мятлев И.П.]
Собрание стихотворений. Санктпетербург. В типографии вдовы Плюшар с
сыном. 1834.

В итоге мы видим, что большая часть книг «полки» – 8 из 13 имеют на обложке имена авторов: Шишков, Хвостов, Кюхельбекер, Строев, Ершов, Мэтьюрин, Максимович, Филidor. Заметим, что последнее имя – устойчивый псевдоним, вроде Мольера или Стендаля, поэтому книгу «Шахматных игор» с полным правом можно включить в эту же группу изданий.

Анонимные же книги, которых в данном отрезке описи пять, встречаются и в других частях этого документа, отражая характер представлений той эпохи об авторской личности и авторском праве. Воспользуемся наблюдением известного исследователя книжной культуры XVIII–XIX вв. А.И. Рейтблата: «Тогда читателей, да и литераторов не всегда интересовало, кто является автором произведения, большее внимание уделялось его содержанию и литературным достоинствам. В этом сказывались традиции предыдущих этапов развития литературы, когда большое число книг издавалось анонимно, а авторское право только начинало формироваться»³⁵.

Но, может быть, у кого-то из этих «скрытых» авторов и был некий умысел, установка на литературную игру с читателями? Есть ли среди этих книг мистификации? Для примера обратимся к № 739, под которым значится книга «Описание моста, наведённого на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера». Она содержит в себе чертежи моста и его техническое описание. Её «скрытый» автор В.И. Даль предстаёт в данном случае не как литератор, а как инженер. И его вряд ли можно подозревать в склонности к мистификациям. Во время польской кампании (май 1831 – январь 1832) Владимир Иванович, военный врач и писатель, неожиданно показал

строительный талант: под его началом был сооружен, а потом разрушен мост через Вислу, что и спасло от разгрома русский отряд. В то же время Даль проявляет себя в жанре литературной сказки, псевдонимно опубликовав «Русские сказки, из предания народного изуственного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» (СПб., 1832). Это издание, также находившееся в библиотеке Пушкина, в описи проходит под № 581 «Русские сказки Казака Луганского». И не ему ли уместней находиться на «полке» «маскированных» изданий вместо технической книги, рядом с другой сказкой – «Конёк-Горбунок»?!

№ 746 – Повесть «Андрей Безыменный». Анонимным автором является А.О. Корнилович, имя которого и не могло быть вынесено на обложку издания, так как писатель, а также декабрист, участник тайного Южного общества в Киеве, находился в каземате Петропавловской крепости, где и написал этот «роман», напечатанный (хотя и анонимно) с разрешения самого императора (!).

Следует заметить, что в пушкинской библиотеке были и другие книги писателей-декабристов, опубликованные по той же причине без указания имён авторов, например «Русские повести и рассказы» А.А. Бестужева (Санкт-Петербург, 1832; Москва – 1834), «Ижорский. Мистерия» В.К. Кюхельбекера (Санкт-Петербург, 1835). В издании первых двух частей книги лицейского друга Пушкин принимал непосредственное участие, испросив письменное разрешение анонимной публикации у царя. Не сохранившийся в библиотеке Пушкина «Ижорский» в описи значится под № 187 (!). Не слишком ли далеко оказалась эта книга от «полки» с «маскированными изданиями»?

№ 748 – Собрание стихотворений. Имя автора этой книги можно только предположить. Как отмечает Л.Б. Модзалевский, «утверждать, что под этим заглавием нужно разуметь «Собрание стихотворений И.П. Мятлева», нет возможности, так как по описи не видно, когда издана эта книга, а также кто её автор (*Л.Б. Модзалевский. С. 8*). Но если допустить, что в библиотеке Пушкина были первые печатные опыты И.П. Мятлева (издание его стихов вышло в типографии вдовы Плюшар с сыном в 1834 г., ещё одно – в типографии Х. Гинце в 1835 г.), то опять же связать элегико-меланхолическую лирику этого автора, создателя крылатой строки «Как хороши, как свежи были розы», с мистификацией не представляется возможным. А в качестве сочинителя шуточных каламбурных стихов и юмористической поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу, дан л'этранже» он предстанет только в 1840 году!

А.А. Лацис рассматривает в группе «таинственных» изданий и книгу под номером 744 – «Шахматный анализ Филидора», сообщая нам, что имя автора книги – на самом деле псевдоним: Филидора звали Монтиньи, но и это – псевдоним человека с исконной фамилией Даникан. Преподнося все эти сведения, Лацис «забывает» сказать, что составители описи кратко перевели на русский язык французское название издания: «Analyse du jeu des échecs...», ведь иначе пришлось бы объяснять, почему на полке с отечественными «мистификациями» оказалось **французское** пособие по шахматной игре и не

была поставлена хотя бы рядом **русская** книга «Шахматная игра, приведённая в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные» (Санкт-Петербург, 1824).

Напомним и о пропущенных Лацисом номерах «десятки» – 742, 745, 747.

№ 742 – Произведение "Исповедь англичанина, употреблявшего опиум", опубликованное в типографии Н.И.Греча, под именем Ч.Р.Мэтьюрина (в русской орфографии той эпохи - Матюрина, Матюрена) в действительности является автобиографическим сочинением Томаса де Квинси. Установить причину этой замены имени возможно лишь в результате дополнительных исследований особенностей книгоиздания той эпохи, но следует заметить, что вряд ли она была вызвана мистификационными намерениями русских издателей.

№ 745 – «Книга Наума о великом Божием мире» – самое первое (из 12-ти!) издание популяризатора научных знаний М.А. Максимова (современника и хорошего знакомого А.С. Пушкина, многолетнего друга Н.В. Гоголя), предназначавшееся для народного чтения. Книга включает сведения о Вселенной, Солнечной системе и Земле.

№ 747 – «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия...» Как уже видно из названия, перед нами не художественное произведение, а документ, отражающий поездку Екатерины II в Белоруссию.

Вряд ли таит какие-то особые секреты и сопредельный «десятке» № 749 – «Стихотворения крестьянина Егора Алипанова» (СПб., 1830). Этот сборник издан покровителем поэта-самоучки журналистом и детским писателем Б.М. Фёдоровым, который включил в книгу детские стихи своего сына Николая Фёдорова – случай в общем-то не редкий для издательской практики тех лет. Пример – «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына» (СПб., 1832).

И вывод здесь может быть только один: **среди рассмотренных названий нет ни одной «мистификации», как нет и самой «полки» с «маскированными изданиями»,** о чём убедительно свидетельствует документ – «Опись Пушкинской библиотеки», отразивший абсолютно случайный набор книг.

Но обращение к истории пушкинской библиотеки даёт сторонникам ершовского «неавторства» еще один «аргумент». Они утверждают, что на экземпляре «Конька-Горбунка» из книжного собрания Пушкина не было **дарительной надписи**, ведь «мнимый, подставной автор не мог преподнести Пушкину его собственное сочинение» (*Лацис. С. 215*). «В библиотеке Пушкина имелся экземпляр отдельного издания сказки 1834 года, разумеется, без дарственной надписи – а уж Пушкину-то за «тщательный пересмотр» сказки Ершов мог бы книгу и подписать!» (*Козаровецкий. С. 126*).

Подобные утверждения безосновательны уже по причине того, что книга Ершова из библиотеки Пушкина была утрачена, как и множество других изданий, ещё в период шестидесятилетних перемещений книжного собрания поэта, происходивших после его гибели. К моменту приобретения библиотеки Пушкина Академией наук в 1900 году «Конька-Горбунка» уже в ней не было.

Естественно, не сохранилось и описание этой книги. Совершенно ясно, что в этом случае мы не имеем **никаких оснований для доводов об отсутствии надписи**. То же самое можно сказать и о ершовских инскриптах на книгах других лиц, причастных к изданию сказки: Плетнёва, Сенковского, Никитенко, Жуковского, Смирдина, библиотеки которых были распылены или дошли до нашего времени в неполном виде; особенно пострадали, как отмечают исследователи, разделы художественной литературы. В этом смысле показателен пример с библиотекой Смирдина, уцелевшая часть которой оказалась в 1932 году в Праге³⁶. Следует также заметить: первое издание «Конька-Горбунка» представляет сегодня библиографическую редкость, единичные его экземпляры сохранились лишь в самых крупных библиотеках нашей страны и в некоторых музейных собраниях книг.

По свидетельству первого сибирского биографа Ершова А.И. Мокроусова, в начале XX века в витринах Тобольского музея находился экземпляр «Конька-Горбунка» 1834 года с надписью «Милой Серафиме»³⁷, подаренный поэтом жене 23 сентября 1839 года, через 15 дней после свадьбы. Этот ценный экземпляр был потерян в 30-е гг. XX века³⁸. А в Кабинете по изучению П.П. Ершова, созданном в 1922 году тобольским учителем Г.И. Симоновым, хранилось 3-е издание сказки «Конёк-Горбунок» с автографом Петра Павловича: «Тобольскому Уездному училищу от автора. 16 генваря 1844 г.»³⁹. Поэтому аргумент о несуществующих ершовских инскриптах «Конька-Горбунка» представляется крайне неубедительным.

«Пушкинский» и ершовский тексты сказки

Как уже отмечалось, в 1856 году выходит четвёртое издание сказки, в котором Ершов подверг текст основательной правке. Он восстановил цензурные лакуны, включил новые эпизоды, значительно детализировал повествование, усилил впечатление импровизационности рассказа, ввёл множество новых слов и выражений. В этом же направлении шла доработка пятого издания 1861 года, в котором появилась строка: «Против неба – на земле». Именно это издание считается наиболее полно отражающим авторскую волю. Противники ершовского авторства убеждены, что в результате всех этих изменений «пушкинский» «Конёк-Горбунок» сильно пострадал. «Сравним строки, извлечённые из первого издания. И тот же фрагмент, как он печатается ныне. Читатели угадают без труда – где пушкинский текст, а где "исправления"» (*Лацис. С. 202*). «Нарушается, ломается весь строй сказки, её логика, происходящая из характера героев, пропадает мотивация, то есть смысл всех сказочных событий» (*Перельмутер. С. 48*). «Как объяснить неуместность большинства исправлений, внесённых Ершовым в текст сказки, и абсолютную бездарность некоторых, явно портящих её?» (*Козаровецкий. С. 126*).

Рассуждая подобным образом, создатели версии пушкинского авторства сказки сознательно игнорируют работы литературоведов, сопоставлявших разные редакции «Конька-Горбунка». Вне поля их зрения оказались

исследования И.П. Лупановой⁴⁰, Д.М. Климовой⁴¹, Л.А. Фроловой⁴², в которых убедительно показана художественная целесообразность ершовской правки текста и возросшее мастерство поэта.

Наглядным примером удачной текстуальной переработки является описание скачки волшебной кобылицы:

1-е издание
*Кобылица молодая,
 Задом, передом брыкая,
 Понеслася по полям,
 По горам и по лесам.
 То заскачет, то забьётся,
 То вдруг круто повернётся.
 Но дурак и сам не прост –
 Крепко держится за хвост.*

4-е издание
*Кобылица молодая,
 Очью бешено сверкая,
 Змеем голову свила
 И пустилась как стрела.
 Вьётся кругом над полями,
 Виснет пластью надо рвами,
 Мчится скоком по горам,
 Ходит дыбом по лесам,
 Хочет, силой аль обманом,
 Лишь бы справиться с Иваном.*

Этот образец показывает ощутимую перемену поэтики Ершова, во многом обусловленную изменившимся характером послепушкинской лирики с её установкой на живописно-пластическое и экспрессивное изображение мира, развернутую метафоричность и осязаемую образность. Здесь уже особая «кинематографическая» оптика – одновременное изображение с разных точек зрения человека, предмета, явления, перед нами «лента» со множеством «стоп-кадров».

Значительно возросший объём просторечной лексики в издании 1856 года следует рассматривать в том же русле новаторских исканий позднего романтизма, в котором необработанное литературно слово и стиливое изобретательство занимают особое место.

Лацису и Козаровецкому ершовское новотворчество кажется ухудшающим сказку. «Немало странного, косноязычного и чуждого грамоте вписано в позднейшие издания: "Принесли с естным лукошко", "Уши в загреби берёт", "Побегай в дозор, Ванюша", "Кобылица молодая, / Очью бешено сверкая". А что было? Простота и точность: "Взяли хлеба из лукошка", "Крепко за уши берёт", "Ты поди в дозор, Ванюша", "Кобылица молодая, / Задом, передом брыкая"» (Лацис. С. 203).

При этом словесные образцы иного типа, вроде: «И обшед избу кругом», «Ты на черта не клепли», «Дело мешкотно творится», «Избоченясь будто князь» и т.д., которых гораздо больше в издании 1834 года («пушкинском!»), нежели «простых» и «точных», остаются без комментариев.

Нет в статьях Лациса-Перельмутера-Козаровецкого и какой-либо попытки сопоставления лексики первого и последующих изданий «Конька-Горбунка» с собственно пушкинскими сказками, что тоже не случайно, так как ершовское и пушкинское слово различны.

В этом плане интересны наблюдения литературоведа И.З. Сурат, отмечающей «семантическую емкость и одновременную стилистическую нейтральность» пушкинского сказочного слова и «эмоциональную наполненность, необычность и новизну для просвещённого читателя» ершовской лексики. В четвёртом издании «Конька-Горбунка», по мнению Ирины Захаровны, усиливается импровизационный характер повествования, «иллюзия непосредственного разговора» и соответственно увеличивается «количество просторечных форм и выражений, "неправильных" с точки зрения нормированного литературного языка, но возможных в рамках устной речи»⁴³. Фразеологические «неправильности» и грамматические «нарушения» четвёртого издания – это сознательный стилистический прием Ершова, с помощью которого создаётся зримый, динамичный и психологически-разнообразный сказочный мир «Конька-Горбунка».

В.Г. Перельмутера и В.А. Козаровецкого интересует также проблема литературного контекста ершовского сочинения. Выявляя цитаты и реминисценции, введенные в сказку из других художественных произведений, они приходят к выводу, что «бесталаный» Ершов, конечно же, не мог владеть подобными приемами. В качестве примера Вадим Гершанович обращается к сцене сказки о «посыльных дворянах», понарошку растянувшихся на полу и рассмеявшихся тем самым царя. Отмечая сходство данного эпизода со знаменитым монологом Фамусова о Максиме Петровиче из «Горя от ума» (заметим, что это интересное наблюдение было сделано ещё в 1938 году М.К. Азадовским в статье о Ершове «Автор "Конька-Горбунка"»), Перельмутер пишет: «Ершов знал, во всяком случае, мог знать грибоедовскую комедию, она была опубликована в 1833 году <...>. Но зачем бы ему понадобилось цитировать ее в "русской сказке"? Другое дело, если к этим строкам Пушкин руку приложил. "Цитатность" буквально пронизывает всю поэзию его времени и его круга. Этот приём осмыслен, разработан, доведён до совершенства им самим, Вяземским, Жуковским, Баратынским. Цитата из Грибоедова как бы включает «Конька-Горбунка» именно в этот контекст» (*Перельмутер. С. 45-46*).

Сомневается Вадим Гершанович и в способности Ершова использовать образы сказочной поэзии самого Пушкина, утверждая, что строчки: «Новый гроб в лесу стоит, / В гробе девица лежит...», соотносимый с пушкинской «Сказкой о мертвой царевне», не могут быть ершовскими уже по причине того, что «Сказка о мертвой царевне» закончена в ноябре 1833 года и не опубликована, а в число «друзей и знакомых, кому Пушкин читает свои новые вещи, Ершов не входит» (*Там же*).

Для историка литературы и знатока пушкинской эпохи (в 2003 году Перельмутер выпускает книгу «Пушкинское эхо. Записки. Заметки. Эссе» с перепечаткой статьи «В поисках автора») подобная ошибка вряд ли оправдана, ведь даже «непушкинистам» известно, что «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» была напечатана в 1834 году в февральской книжке «Библиотеки для чтения» за три месяца до появления на страницах этого же издания ершовского «Конька-Горбунка».

Кроме того, ершовский образ «мёртвой дёвицы» мог появиться в «Коньке-Горбунке» и без пушкинского воздействия, ведь у произведений этих авторов есть общий художественный источник – лубочная (книжная) «Сказка о старчиках-келейниках» из сборника 1794, 1795 гг. «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок». Этот сборник находился в книжном собрании Пушкина и библиотеке Смирдина, частым посетителем которой был Ершов.

А имена царя Салтана, Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича «приходят» в сказочный мир Пушкина и ершовскую сказку из той же лубочной литературы, из сборников 1786 года «Лекарство от задумчивости и бессонницы», «Дедушкины прогулки, или продолжение настоящих русских сказок». Сказки на сюжет о Бове Королевиче с героями Салтаном, Гвидоном, Додоном и чудесным островом Буяном будут многократно переиздаваться в пушкинскую эпоху⁴⁴.

Богатый художественный мир ершовского произведения таит в себе немалое количество других литературных реминисценций. Так, Иван в первой части сказки отправляется в село, «напевая громко песню: "Ходил молодец на Пресню"». Эта цитата – из комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват» (1779), текст которой многократно переиздавался в Москве, а в 1831 году напечатан в Санкт-Петербурге. Можно увидеть в ершовской сказке и гоголевские аллюзии – рассказ Ивана о «дьяволе», который носил его верхом по полю, и соответствующая обстановка: холодная ночь, месяц, звёзды – напоминает описание скачки кузнеца Вакулы на чёрте в повести «Ночь перед Рождеством» из второй книги «Вечеров на хуторе близ Диканьки» впервые напечатанной в 1832 году. Возможна и литературная переключка с А. Дельвигом: образ неба, соединившегося с землёю, «где крестьянки лён прядут, / Прялки на небо кладут» мог быть навеян не только волшебными сказками, но и «русской идиллией» Дельвига «Отставной солдат» (1829), в которой пастух рассказывает служивому о своем пребывании в стране, «где край земли сошёл с краем неба, / Где можно в облако любое вбить / Крючок иль гвоздь и свой кафтан повесить...»

Вполне естественны в «Коньке-Горбунке» стиховые переключки с пушкинской «Сказкой о царе Салтане». Ведь именно эта сказка, опубликованная в 1832 году, станет для Ершова своеобразным каноническим образцом русской литературной сказки в стихах, от которого он оттолкнётся, создавая оригинальное в сюжетном, композиционном, стилистическом, языковом отношении произведение.

Напоследок – ещё один характерный образец методологии В.А. Козаровецкого. Каким же критерием пользуется Владимир Абович, «реконструируя» «пушкинский» оригинальный текст сказки из «испорченного» ершовского текста? «Я проанализировал редакцию издания 1834 года, все исправления и дополнения 1856 года и окончательный текст сказки сформировал по принципу: **во всех случаях, когда исправления текст очевидно ухудшают, они отбрасываются как ершовские**; в тех случаях, когда исправления текст заметно улучшают, они принимаются как пушкинские,

в остальном (где преимущество той или иной редакции не столь очевидно) – **положившись на собственную интуицию** в движении за ходом пушкинской мысли» (*Козаровецкий. С. 138; выделено мною. – Т.С.*). Sapienti sat.

Подведём итоги вышесказанного:

– Творчество П.П. Ершова – яркая и значительная страница русской литературы. Судьбе сочинителя знаменитой сказки в стихах посвящено немалое число основательных по фактическому материалу и выводам, добросовестных в научном плане и методологии работ М.К. Азадовского, Л.А. Азадовской, В.Г. Уткова, И.П. Лупановой, Д.М. Климовой, И.З. Сурат, В.П. Зверева, а также сибирских учёных А.И. Мокроусова, Г.И. Симонова, Ю.С. Постнова, Т.Г. Леоновой, Л.Г. Беспаловой, М.Ф. Калининой. Во всех этих исследованиях убедительно показана художественная индивидуальность поэта.

– Авторство Ершова и его нравственные качества представлялись безусловными современникам, писавшим о создателе «Конька-Горбунка»: «...он был нежная, благородная натура, с самыми честными правилами, душа его полна лучших порывов и сил творческих, полна поэзии» (*Ярославцов. С. 20*).

– Версия «инога» автора «Конька-Горбунка» появляется в 90-е гг. XX века и всецело принадлежит А.А. Лацису, выводы которого будут варьироваться представителями «сенсационного литературоведения» в разных изданиях, преимущественно популярного характера.

– Гипотеза «неавторства» Ершова основана на произвольном обращении с документами, их субъективном истолковании и видоизменении, изъятии из контекста, подмене понятий, изначально предвзятом отношении к личности поэта, а также к традиционному (академическому) литературоведению, иначе говоря – на некачественной методологии.

Примечания

1. Лацис А.А. «Верните лошадь!» // Автограф. 1996. №12.
2. Ершов П.П. Конёк-Горбунок: русская сказка в 3-х частях / Худож. Е. Соколов. – М.: «Совпадения»; «САМПО», 1997. *Далее в тексте все ссылки на статью А. Лациса «Верните лошадь!» в этом издании будут даны сокращённо (фамилия автора, страница).*
3. Пушкин А.С. (?). Конёк-Горбунок: русская сказка в 3-х частях. – М.: SAM & SAM; РИК Русанова, 1998. *Далее в тексте все ссылки на статью Перельмутера «В поисках автора» даются в сокращении (фамилия автора, страница).*
4. Пушкин А.С. Конёк-Горбунок / Вступит. ст. и подгот. текста В.А. Козаровецкого. – М.: ООО НПЦ «Праксис», 2009.
5. Козаровецкий В.А. «Сказка – ложь, да в ней намёк» // Литературная учёба. 2009. Кн. 3 (май-июнь). – С. 118-143. *Далее в тексте все ссылки на статью даются в сокращении (фамилия автора, страница).*
6. Уколова Е.Л., Уколов В.С. Распятый на арфе: судьба и творчество Николая Девиitte. М., 2001; «Это не его Конёк» // Новые известия. 2009. 14 августа.
7. Новая газета. 2009. № 40. С. 22.
8. Литературная учёба. 2009. Кн. 3. – С. 5.

9. Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова. – СПб, 1872. – С. 15. *Далее в тексте сокращённо: Ярославцов.*
10. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. – СПб, 1870. – С. 90.
11. Ершов П. Конёк-Горбунок. Русская сказка // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Кн. 5. – С. 214-234. (Цензурное разрешение – 31 марта 1834).
12. Библиотека для чтения. Т. 6. Кн. 10. Отд. VI. Литературная летопись (сентябрь 1834. «Новые книги»). – С. 1.
13. Климова Д.М. Цензурная история сказки П.П. Ершова «Конек-Горбунок» // Российская словесность: эстетика, теория, история. – СПб; Самара, 2007. – С. 63-72.
14. ОР РНБ. Ф. 436. Архив И.Т. Лисенкова. №_. Ед. хр. 43.
15. Там же.
16. Воспоминания Юрия Арнольда. – М., 1892. Вып. 2. – С. 115.
17. Ершов П.П. Конёк-Горбунок. Стихотворения. – Л., 1976. – С. 303.
18. Ершов П.П.. Письма к П.А. Плетнёву. Публикация Е.П. Горбенко // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. – СПб, 1994. – С. 153.
19. Первое двадцатипятилетие императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, по определению университетского совета читанная ректором университета Петром Плетнёвым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 года. – СПб, 1844. – С. 81-82.
20. Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. – СПб, 1855. Т. 1. – С. 116.
21. Азадовский М. Пушкинские строки в «Коньке-Горбунке» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. – М., Л., 1936, кн. 2. – С. 315-316.
22. ОР РНБ. Ф.696 (П.К. Симони).Ед. хр. 66).
23. Там же.
24. Климова Д.М. Пушкинские ли строки в «Коньке-Горбунке»? // Ершовский сборник. – Ишим, 2008. Вып. 5. – С. 6.
25. Сибирские огни. – 1940. № 4-5. – С. 239.
26. Керцелли Л.Ф. Мир Пушкина в его рисунках. – М., 1983. – С.15-16.
27. Там же. С. 184.
28. Новые известия. 2009. 14 августа.
29. ИРЛИ (ПД) РАН. Ф. 244. Оп. 19. №3.
30. Статья Л.Б. Модзалевского «Библиотека Пушкина. Новые материалы», являющаяся дополнением к каталогу Б.Л. Модзалевского (Б.Л. Модзалевский. Библиотека А.С. Пушкина. Библиографическое описание. – СПб, 1910), была впервые опубликована в «Литературном наследстве» (т. 16/18. – М., 1934. – С. 985-1024) и перепечатана в издании: «Библиотека А.С. Пушкина». Б.Л. Модзалевский. Приложение к репринтному изданию. – М., 1988. – С. 3-55. Цитаты из работы Л.Б. Модзалевского здесь и далее приводятся по последнему изданию.
31. ИРЛИ (ПД) РАН. Ф. 244. Оп. 19. №3. Л. 82 112 об.
32. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 222.
33. Там же. С. 28.
34. Там же. С. 310.
35. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. – М., 2001. – С. 124.
36. Кишкин Л.С. Благородный книжник и судьба его библиотеки // Кишкин Л.С. Чехословацкие находки. Из зарубежной Пушкинианы. – М., 1985. – С. 13-64.
37. РГАЛИ. Ф. 214 (Ершов). Оп. 1. Ед. хр. 13.
38. Журавлёва Н.В. Коллекция мемориальных вещей и документов П.П. Ершова в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. // Ершовский сборник. – Ишим, 2007. Вып. 4. – С. 70.
39. Симонов Егор. Кабинет по изучению П.П. Ершова, автора «Конька-орбунка» (Возникновение, состав, обзор работ, неотложные нужды и планы дальнейших работ). – Тобольск, 1922. – С. 3.
40. Лупанова И.П. О двух изданиях (1-м и 4-м) сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» // Русский фольклор. Т. 3. 1958. – С. 334-342.

41. Климова Д.М. Цензурная история сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» // Российская словесность: эстетика, теория, история. – СПб; Самара, 2007. – С. 63-72.
42. Фролова Л.А. К вопросу о двух редакциях сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 2. – Ишим; Тобольск. 2005. – С. 25-28.
43. Сурат И.З. «Конёк-Горбунок». Словесный мир сказки // Русская речь. 1984. №4. – С. 3-8.
44. Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. – М., 1964. – С. 245-264.

Опубликовано в журнале «Литературная учёба», № 1 за 2010 г.